

ГЛАВА I

РОМАНТИЧЕСКАЯ МЕТАФИЗИКА И МИФОЛОГИЯ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ

Гоголь начинает свой путь в литературе как романтик, стремительно осваивающий общеевропейскую энциклопедию романтизма, специфика которого, как блестяще показал уже В.М.Жирмунский, состояла прежде всего в том, что он был "своеобразной <...> формой развития мистического сознания"¹. Актуализованное в культуре романтизма влиянием античного платонизма и неоплатонизма, средневекового и более позднего мистицизма разного толка (Платон, Плотин, Гемстергейс, Беме, Сведенборг, Сен-Мартен, Пордедж и др.), оно и сформировало основополагающие идеи и концепции этики, эстетики, философии и художественного творчества романтиков, как западноевропейских, так и русских². Романтизм, таким образом, представляет собой первый наиболее существенный опыт взаимодействия светской и духовной культуры в эпоху нового времени. Универсализующий характер романтических интенций заставляет нас увидеть в указанных явлениях не только историко-культурный и биографический контекст, в котором развивается творчество отдельного писателя, но осознать его как явление и соположенное, и внутриположенное его творческим инициативам, его художественному мышлению. Вне этого контекста невозможно адекватно прочесть не только риторику романтиз-

ма, но и его сюжетику, мотивику, ключевые темы, а в конечном итоге и его динамику.

Восприятие Гоголем литературного мистицизма соотносилось с тем мистическим чувством, которое первоначально формировалось биографически. Экзальтированная религиозность матери, смерть брата Ивана и отца произвели впечатление, которое порождается от соприкосновения с таинственной запредельностью сверхчувственного мира. Немалое значение имел и тот факт, что общеевропейская мистическая культура преломлялась у Гоголя сквозь метафизические интуиции и религиозные чувства человека культуры пограничной, в которой причудливо сочетались низовые традиции народной религиозности с религиозностью церковной. Обстоятельства рождения, особенности воспитания и образования Гоголя в Малороссии определили бикультурность его ориентаций, несовпадение с границами какой-то одной культуры. Исходно заданная лиминальность Гоголя как культурно-исторического типа (не малоросс и не великоросс) во многом определила его творческую иррефлексивность³, которая давала место "арабескному" сочетанию полярностей и одновременно производила впечатление эклектического взаимодействия принципов разных поэтических систем⁴. В частности, исключительная интертекстуальность "Ганца Кюхельгардена", уже давно отмеченная в исследованиях, несет в себе отпечаток не только ученичества, но и разноприродности элементов складывающейся поэтической и идеологической системы Гоголя (конечность земной идиллии сочетается с бесконечностью, порождаемой романтической натурфилософией и метафизикой). Неслучайно идея синтеза, общая для романтизма, стала определяющей в творчестве Гоголя. За напряженными поисками примирения, согласования, слияния в самых разных аспектах их воплощения изначально стоит не только эстетическая или этическая, а прежде всего ре-

лигиозно-мистическая проблема отношения земного и небесного.

Ранние религиозно-мистические переживания и концептуализации Гоголя, связанные с представлениями о сущности мира, концентрируются вокруг излюбленных романтических тем природы и любви, которые можно рассмотреть как комплекс мистических и мифологических мотивов и идеологических ориентаций. Такой подход позволяет раскрыть важнейшие черты его поэтической системы, подвергшейся кардинальной трансформации уже в пределах первого прозаического цикла "Вечера на хуторе близ Диканьки". Этот мотивный комплекс, получивший в романтизме, особенно в немецком, основательную разработку, составляют соотносимые семантические пары, такие, как "тишина" и "молчание", "сон-душа", "любовь-семья", "мужское и женское", наделенные двойным значением: эмпирическим и метафизическим. Описание мотивных комплексов в обширном и разнообразном религиозно-мистическом контексте не имеет в виду проявление традиции как прямого узоканального наследования и, соответственно, не строится на стремлении доказать прямые интертекстуальные отношения. В данном случае в этом нет необходимости, так как речь идет по существу об общей для европейского романтизма религиозно-мистической топике, объединенной не только специфической воплощения в нем религиозно-мистического мировосприятия, но и его риторикой. Так ориентирован первый раздел настоящей главы. Разумеется, что описание мотивики в ряде случаев соотносится с особенностями сюжетного построения в той его части, которая позволяет указать на соотношение с контекстом на этом уровне. На это ориентирован следующий раздел главы. Трансформациям и новой нарративной стратегии посвящен ее последний раздел.